

На правах рукописи

Журавлева Ольга Алексеевна

**РОМАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФОРМ
В ЛИТЕРАТУРЕ XVIII-XIX ВВ.**

Специальность 5.9.3 – Теория литературы

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Самара – 2025

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы и связей с общественностью ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

Научный руководитель:

Николай Тимофеевич Рымарь, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» (Самарский университет)

Официальные оппоненты:

Татьяна Федоровна Семьян, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Института медиа и социально-гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Екатерина Юрьевна Моисеева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы ИМЛИ РАН

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет» (ВГУ)

Защита диссертации состоится « 10 » апреля 2025 года на заседании диссертационного совета 24.2.366.06, созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6. и на сайте РГГУ.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2025 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филол. наук, доцент

Ю. Г. Бит-Юнан

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Роман занимает особое место в системе структурно-жанровых новаций в литературе модерна, поскольку оказывается наиболее подходящей формой для разработки центральной для культуры модерна нравственно-психологической проблематики личности. Анализируемая в диссертации проблема неоднородности сознания модерна получила осмысление в современной исторической поэтике, выдвинувшей понятие «автономной причастности личности» и концепцию поэтики «художественной модальности» (С. Н. Бройтман).

Романизация представляет собой распространение романских принципов изображения на нероманские жанры, а также вызревание романских принципов в ранних формах романа. Этот процесс активизируется в период распада риторических систем, условия для которого складываются во второй половине XVIII – XIX вв. с оформлением зрелых черт эпохи модерна. Деканонизация жанров европейской литературы проходит под влиянием романа, который, как показал М. М. Бахтин, вовлекая другие жанры в процесс становления, освобождая их от риторических условностей, обнаруживая в них проблемность и т. д., способствует появлению переходных романизированных форм¹. Вместе с этим явление романизации связано с характером эпохи, которая порождает романную проблематику и обуславливает доминирование романа, поэтому исследование романизации без учета исторического и культурного аспектов представляется невозможным. В нашей работе романизация рассматривается как ценностная и познавательная ориентация, поскольку она связана с ценностным перспективизмом эпохи, порождающей роман и обуславливающей его доминирование.

Степень научной разработки проблемы. Хотя в отечественном и зарубежном литературоведении широко представлены работы, освещающие

¹ Бахтин М. М. Эпос и роман: (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 447-483.

историю становления, поэтику и жанровые черты европейского романа, насколько нам известно, до сих пор не существует комплексного исследования, посвященного романизированным жанрам. Отдельные аспекты этой проблемы разрабатывались различными исследователями. Так, понятие романизации, введенное в научный оборот М. М. Бахтиным, получило развитие в работах Е. Г. Мущенко, В. М. Переверзина, Н. Т. Рымаря, Л. Г. Тютеловой и др. Понятие романного мышления с 1970-х гг. разрабатывалось в трудах Г. А. Белой, В. П. Скобелева, Н. Т. Рымаря, В. А. Гейдеко, Е. Г. Мущенко.

Предпринимались исследования и отдельных романизированных жанров. Так, на драме для чтения сосредоточены работы Г. Бирза, Дж. Бэриша, М. Пухнера, К. Б. Берроуз, М. Стразники, С. Гилберт и С. Губар, Т. Винна. Русскую эпическую драму в ее связи с литературным процессом XIX века исследуют А. И. Журавлева, А. С. Чирков, В. Е. Головчинер, Е. М. Заяц, Л. Г. Тютелова. Роману в стихах посвящены монографии М. Мэги, Д. Феллуги, Н. Мур, К. Эддисон, С. Марковиц. Внимание отечественного литературоведения сосредоточено главным образом на жанровой природе романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, таковы труды С. Г. Бочарова, Ю. Н. Тынянова, Г. А. Гуковского, Л. П. Гроссмана, Г. О. Винокура, О. А. Проскурина, Ю. М. Лотмана и др. Исторический роман исследовали С. А. Орлов, Б. Г. Реизов, Г. Лукач, В. Я. Малкина, М. Г. Альтшуллер, М. МакАливи. Проблема «историчности» также разрабатывалась А. В. Михайловым.

Однако, как нам представляется, феномены романизации художественных форм не рассматривались ранее как ключевая составляющая процессов жанровой динамики в европейской литературе XVIII-XIX вв. Также не уделялось достаточного внимания ценностному содержанию конкретных особенностей поэтики романизации в драме для чтения, романе в стихах, в раннем реалистическом романе XIX века, в историческом романе В. Скотта. Этим, а также необходимостью выработать единый подход к анализу романизированных форм, позволяющий рассмотреть связь поэтики романизации с ценностями формирующейся культуры модерна, обусловлена **актуальность** исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что, насколько нам известно, впервые комплексно представляется феномен романизации в качестве ведущей составляющей в процессах формирования художественных форм культуры модерна в XVIII-XIX вв.; применительно к романизированным жанрам актуализируются ценностные аспекты отказа от риторических систем, понятия антигероической поэтики, поэтики повседневности и камерности, поэтики «средней линии» и «романного компромисса»; на этой основе уточняются толкования понятий «романизация драмы», «романизация поэмы», «романизация жанров исторического содержания», «романное мышление»; систематизируются и описываются романы в стихах и романизированные драмы, рассматривается поэтика исторического и раннего реалистического романов; предложен единый подход к анализу явлений романизации, основанный на учете влияния ценностных ориентаций, формирующих культуру модерна в целом.

Объект исследования – романизированные жанры литературы XVIII-XIX вв., **предмет** – механизмы романизации нероманных форм и ранних форм романа в литературе модерна.

Материалом для исследования послужили произведения английской, русской, немецкой, французской литературы XVIII-XIX вв.: романы Дж. Остин «Мэнсфилд-парк» и «Сэндитон», романы В. Скотта «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» и «Айвенго», драмы И. В. Гете «Гетц фон Берлихинген», Ф. Шиллера «Разбойники», Дж. Элиот «Армгарт», поэма Г. Байрона «Дон Жуан», роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», а также романы «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» М. де Сервантеса и «Робинзон Крузо» Д. Дефо. Выбор материала продиктован стремлением на отдельных, вершинных явлениях литературы показать этапы становления романного мышления и сопутствующие им аспекты романизации. Кроме того, для показа явлений культуры Нового времени, аналогичных формированию романного мышления, использован ряд живописных произведений так называемых «малых голландцев».

Цель диссертационной работы – выявить и объяснить конкретную связь явлений романизации художественных форм в литературе XVIII-XIX вв. с формированием культуры модерна, вырабатывавшей новое ценностное отношение к личности как относительно автономному субъекту сознания и воли.

Из цели исследования вытекает ряд **задач**, которые решаются в диссертации:

1. Выделить ценностные основания культуры, определяющие культурно-исторические предпосылки романизации жанров, и описать особенности жанровой динамики в литературе эпохи становления культуры модерна.
2. Охарактеризовать романное мышление, дать определение понятию романизации и описать некоторые ее формы.
3. Проанализировать поэтологические формы романного освоения материала повседневности частной жизни в раннем реалистическом романе XIX века.
4. Рассмотреть исторический аспект романного мышления, показать поэтологическую специфику романизации исторического материала в романах В. Скотта.
5. Выявить жанровую специфику драмы для чтения как явления романизации драмы.
6. Охарактеризовать особенности взаимодействия поэтического и прозаического начал в романе в стихах, определяющие его жанровые черты.

Работа опирается на категории теоретической и исторической поэтики и концепции, развиваемые в работах М. М. Бахтина, А. Н. Веселовского, С. С. Аверинцева, А. В. Михайлова, Н. Д. Тмарченко, С. Н. Бройтмана, Ю. М. Лотмана, Ю. Н. Тынянова, Н. Т. Рымаря, В. И. Тюпы, О. М. Фрейденберг, В. Б. Зусевой-Озкан, Э. Р. Курциуса, Р. Барта, Ж. Женетта, Ф. Моретти и др. Поскольку явление романизации не объясняется исключительно «прямым и

непосредственным влиянием самого романа»², наиболее продуктивным представляется комплексный культурно-исторический, эстетический и литературоведческий подход к исследованию явления романизации. В связи с этим **теоретической основой работы** также выступают философские, исторические, эстетические, культурологические исследования Г. В. Ф. Гегеля, М. Вебера, И. Валлерстайна, В. Зомбарта, Ю. Коки, Ю. Хабермаса, Ф. Мейнеке, Л. С. Выготского.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что показывается связь формирования зрелого романного мышления с ценностями эпохи модерна, дополняются теоретические представления о романизации как о категории поэтики, разрабатываются концепции «романного компромисса» и «средней линии», проводится анализ и систематизация романизированных драмы и поэмы.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения полученных результатов и выводов в дальнейшем изучении проблемы романизации художественных форм. Материалы работы могут быть использованы для создания учебных пособий для вузов, курсов по теории и истории литературы, исторической поэтике, литературе эпохи модерна.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Роман – литературная форма художественного мышления, в которой наиболее полно осуществляются и вместе с тем проблематизируются основные ценности культуры модерна. Характерный для модерна конфликт между утверждающей свою автономию личностью и моральными ценностями традиционной культуры, а также практической действительностью лежит в основе магистрального сюжета западноевропейского романа XVIII-XIX вв. – поиска героем возможностей преодолеть отчуждение между собой и миром, социальной ролью и его истинным «я»: заостряя противоречия в жизни и сознании героя, роман выступает «примирительной формой», стремится найти

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 502.

«среднюю линию» в жизни личности, позволяющую ей таким образом вступить в «тотальную связность мирового целого».

2. Романизация является проникновением ценностей эпохи модерна и романного мышления в художественную структуру нероманных форм, определяющим их жанровую эволюцию и структуру, сообщающим им черты романного видения действительности в ее незавершенности, в силу чего романизация выступает как фактор их деканонизации и прозаизации. Романизация формирует интерес к нравственно-психологическим противоречиям в частной жизни и сознании «среднего человека», к подробностям его повседневного бытия, из этой перспективы создавая образ героя и картину «малого» или «большого» мира.

3. В ряду ключевых характеристик мышления модерна, определивших основные черты романного мышления эпохи, выделяются отказ от риторического слова, антигероичность и ориентация на частную жизнь личности в ее индивидуальных психологических особенностях. Повседневные аспекты человеческой деятельности становятся структурными элементами нарратива, а центральным интересом является этическая проблематика личности, что обуславливает, как в романах Дж. Остин, отказ от внешней событийной насыщенности и перемещение фона происшествия на передний план. Отсюда – замещение поэтики исключительного обыденным, материально-практической избыточностью, использование художественных приемов, тормозящих повествование.

4. Историчность мышления культуры модерна играет ключевую роль в становлении романизированных форм. В произведениях В. Скотта, романизовавшего различные формы исторического повествования, впервые характерно романная этическая проблематика получает разработку на историческом материале: судьба и сознание «среднего человека» становятся в его романах центром, в котором пересекаются общая историческая и частная коллизии и разворачивается ценностный конфликт эпохи. Прошлое впервые осмысливается исторично – в свойственной ему противоречивости и

незавершенности. Сюжетная медиативность вальтер-скоттовского героя, ценностная неустойчивость его позиции соответствуют общему принципу поэтики «романного компромисса», реализовавшемуся в композиционной структуре вальтерскоттовского романа.

5. Романное мышление играет доминирующую роль в становлении драматических форм XIX века. Отечественная драма XIX – начала XX вв. романизируется под влиянием русского классического романа, поэтому для нее характерен особый способ изображения индивидуальной судьбы – в ее связи с конкретной социально-исторической действительностью. Специфическую форму романизированной драмы, развивающуюся в ряде европейских литератур в период между 1770-1830 гг., представляет драма для чтения. Ее развитие связано со становлением среднего класса и обусловлено изменением читательских практик и форм досуга, представлений об интимной сфере человека в культуре модерна, интересом к новому типу драматического героя, кризисом драматической формы.

6. Роман в стихах – жанр, в котором сложное многоуровневое взаимодействие прозаического и поэтического слова под воздействием распада культуры готового слова и процессов романизации является формообразующим принципом. Отношения прозаического и поэтического начал в романе в стихах порождают новую целостность, основанную на уникальном для каждого романа взаимодействии поэтических и повествовательных стратегий. В этом смысле роман в стихах является пограничной формой, которая, соединяя прозу и поэзию, находит свою внутреннюю меру в постоянном межродовом синтезе. В поэме Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» и романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» главным романизирующим принципом является пародия, которая ведет к переработке поэтических жанров и перестройке отношений между ними на принципах модальности, прозаизации поэтического языка.

Апробация результатов. Основные положения диссертации были изложены в научных публикациях, обсуждались на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета,

а также представлены в виде докладов на всероссийских и международных конференциях: Международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2019» (Москва, МГУ, 8-12 апреля 2019 года), «Ломоносов-2020» (Москва, МГУ, 10-27 ноября 2020 года), «Ломоносов-2021» (Москва, МГУ, 12-23 апреля 2021 года), «Ломоносов-2024» (Москва, МГУ, 12-26 апреля 2024 года); IX Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых «Язык и репрезентация культурных кодов» (Самара, Самарский университет, 29 мая 2019 года); XI межвузовской студенческой научной конференции «Воображаемый мир героя в литературе и культуре: поэтика и рецепция» (Москва, РГГУ, 12-13 марта 2020 года); Всероссийском научно-практическом семинаре с международным участием «Литература и проблема интеграции искусств» (Нижний Новгород, ННГУ, 19-20 марта 2021 года); Международной молодёжной научной конференции «XVI Королевские чтения», посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина (Самара, Самарский университет, 5-7 октября 2021 года); XIV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых «Майские чтения» («Язык и репрезентация культурных кодов») (Самара, Самарский университет, 16-17 мая 2024 года); Всероссийской научной конференции «Теория и практика форм межжанрового синтеза, взаимодействия и взаимной рецепции явлений литературы и искусства» (Самара, Самарский университет, 5-7 декабря 2024 года).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы, включающего 340 наименований. Общий объем работы – 253 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи работы, а также объект и предмет исследования, описывается степень изученности, научная новизна и теоретико-методологическая основа

рассматриваемой проблемы, обосновываются понятийный аппарат и выбор материала, формулируются выносимые на защиту положения.

В **первой главе** «Ценностные основания культуры модерна и проблема романизации жанров» рассматриваются культурно-исторические предпосылки романизации и выхода романа на ведущее место в жанровой системе европейской литературы. В **пункте 1.1.1** «Деканонизация жанров. Роман как деканонизирующий жанр» **первого параграфа** «Романизация жанров и формирование романного мышления во второй половине XVIII – XIX вв.», опираясь на концепцию исторической поэтики С. Н. Бройтмана, мы понимаем роман как ведущий и главный деканонизирующий жанр поэтики «художественной модальности». Зрелость романа принадлежит этой эпохе: роман способствует процессу размывания старых форм и, пародируя, переосмысляя и включая в свою конструкцию другие жанры, во многом определяет вектор движения жанровых масс в литературе модерна. Появляются переходные, романизированные формы, отличающиеся незавершенностью и психологической углубленностью, противоречивостью и неустойчивостью образа героя, отношения которого с самим собой и другими проблематичны.

Пункт 1.1.2 «Романное мышление и романизация жанров» посвящен явлению романизации нероманных жанров и романному мышлению как поэтологической категории. Романное мышление складывается во второй половине XVIII – XIX вв. и, проникая в художественную структуру нероманных форм, определяет их жанровую эволюцию и жанровое своеобразие, способствует взаимной диффузии жанров и ведет к рождению предроманных и романских форм. В XIX веке все художественные формы в большей или меньшей степени руководствуются ценностями романного мышления и сопутствуют становлению романа, участвуя в поиске его внутренней меры.

Мы выделяем следующие признаки романизации. Во-первых, романизация связана с *деканонизацией*, ведущей к субъективации повествования и автономизации его субъектов, вынесению в центр этической проблематики. Во-вторых, романизация включает *диалогизацию*: язык романа опирается на

признание свободы и самостоятельности субъектов сознания и формирует смысл с помощью многоголосия. Язык нероманных жанров обновляется под воздействием проникающего в них романного разноречия, что позволяет достичь иллюзии жизненной полноты. В-третьих, романизированные жанры обнаруживают *смысловую незавершенность и контакт с незавершенной действительностью*. Чувство времени побуждает эти жанры интересоваться Другим, что проявляется в зарождении внутреннего мира субъекта, повествованиях о жизни «средней личности». Принципиальная незавершенность образа человека актуализирует проблему несовпадения внутреннего и социального «я», героя перестает исчерпывать сюжет, развивается «внутреннее действие». Наконец, романизированные жанры утрачивают серьезность и вводят в свою конструкцию элементы других жанров, иронически переосмысляя их.

Во **втором параграфе** «Сознание буржуазного типа и “романность” его ценностей» анализируются особенности мировоззрения эпохи модерна, оказавшие влияние на формирование романного мышления. В **Пункте 1.2.1** «Ценности модерна и “незавершенная действительность”» эпоха модерна определена как исторический период, зрелые черты которого складываются в период с середины XVIII века – до начала XX века – время формирования революционных для Европы ценностей самостоятельности, свободы и достоинства личности, понятой как индивидуальность, не подводимая под готовые определения и роли.

Модерн – эпоха прогрессирующего обособления-отчуждения человека. С утратой единого ценностного центра, самоутверждением европейского индивидуализма человек вынужден самостоятельно интерпретировать и обосновывать явления действительности, отвечать на духовные вызовы, опираясь на собственные автономии, разум, эмпирический опыт. На фоне нарастающего онтологического сомнения роман развивается как «всеохватная» аналитическая форма, рефлексирующая над возможностями и границами личности, – романного героя в его проблемных отношениях к себе самому и к миру Другого. Таким образом, романное мышление и роман – художественные

структура и форма, утверждающие и проблематизирующие ценности культуры модерна.

В пункте 1.2.2 «Внутренняя конфликтность сознания личности эпохи модерна и поэтика “романного компромисса”» мы рассматриваем сознание модерна как противоречивое, поскольку оно имеет дело с проблемой расхождения ценностей новой эпохи, опирающихся, с одной стороны, на автономию личности, с другой стороны, на традиционный жизненный уклад. Обострившиеся отношения между личностью и действительностью, социумом, разрабатываются романом в истории поиска активным субъектом своего истинного положения в мире, гармонизации внутренних противоречий. Показано, что эти отношения начинают проблематизироваться задолго до появления романа XIX века: уже в «Гамлете» трагическое противоречие вырастает из столкновения «средневекового» и «возрожденческого» сознаний. Диалог утверждающего свою индивидуальность сознания с действительностью лежит в основе романа М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». В «Робинзоне Крузо» Д. Дефо столкновение раннебуржуазного и формирующегося буржуазного сознаний не позволяет до конца синтезировать риторическую и рождающуюся романную поэтику и ведет к нарушению целостности структуры произведения. Такие комические романы, как «Апология жизни миссис Шамелы Эндрюс» Г. Филдинга и «Антипамела» Э. Хейвуд, артикулируют беспокойство по поводу увеличивающегося зазора между прирожденным и приобретенным социальным статусом. Несовпадение моральных качеств героини и ее общественного положения становится источником романной коллизии в произведениях Дж. Остин. Поиск баланса между личным счастьем и общественной нормой является одной из ключевых задач викторианских романа и повествовательной поэмы, что позволяет говорить о наличии у них компенсаторной функции.

В этом же разделе формулируется понятие «антигероической поэтики». Признание модерном ценности автономной личности ведет к ее дегероизации и потере ею общезначимости, в литературе – к разрушению поэтики авантюры,

приключения. Отказываясь от эпических ценностей, роман сосредотачивается на «правде» героя, отделенной или противопоставленной «правде» мира, что и порождает романную коллизию. Вслед за Н. Т. Рымарем, определившим романские эпохи как «эпохи наиболее драматичного отчуждения между человеком и миром»³, мы понимаем роман как «примирительную» форму, в которой посредством диалога происходит прояснение отношений героя и мира, герой ищет нравственную позицию, позволяющую принять или отвергнуть ценности общества. Рефлексируя имманентное эпохе модерна напряжение между частным и общим, романизированные жанры ставят целью определить формулу гармоничной жизни, тем самым формируется *поэтика «романного компромисса»*.

Во **второй главе** «Ценности частной жизни: поэтика повседневности» объектами исследования выступают формирующееся ценностное отношение к миру повседневности как сфере бытия самостоятельной личности и роль повседневности в формировании поэтики романа XIX века. В **первом параграфе** «“Малые голландцы” и “пробуждение повседневности” в XVII веке» рассматриваются особенности рефлексии повседневности бюргера в жанре голландской камерной живописи XVII века. Представляется, что внимание искусства Нового времени к повседневности связано со становлением бюргерского сословия. На примере нескольких картин Э. де Витте, Я. Вермеера, П. де Хоха показано, как пробудившийся интерес к «непарадной» стороне жизни человека – интерес, способствовавший в итоге рождению жанра романа, – впервые нашел выражение в искусстве светской камерной живописи. В фокусе внимания «малых голландцев» находится повседневность бюргера с ее ритмами, непримечательными сюжетами и повторяемостью, лишенная событий в лотмановском понимании. Пытаясь освоить способ изображения быта частного человека, «голландский реализм» обращается к описательности и

³ Рымарь Н. Т. Введение в теорию романа / Н. Т. Рымарь. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. – С. 73, 81.

реалистичности, открывая европейскому искусству новое измерение нарративности.

Во **втором параграфе** «Стремление к “правдоподобию”: романная техника сюжетного развертывания» мы обращаемся к проблеме реализма и показываем, как формируются романские принципы сюжетного развертывания. С введением частной жизни в круг интересов романа *поэтика повседневности* вытесняет собой поэтику исключительного. Обращение литературы к повседневности свидетельствует об установлении конкретного контакта романа с незавершенной действительностью. Ежедневные человеческие практики находят отражение в романном повествовании XIX века, сосредоточенном вокруг событий жизни «средней личности», подчиненной установленным ритмам и правилам поведения. Ведущими характеристиками повседневности в художественном сознании модерна выступают регулярность, повторяемость, предсказуемость; оно стремится подчинить себе ускоряющийся ритм жизни, рационализируя ее, в связи с чем в романизированных формах находят широкое применение приемы «задержания» повествования. В паузах между действием, заполняемых статичными сценами, вырабатывается аналитический стиль повествования, делающий возможным точное и «беспристрастное» описание действительности.

В Новое время происходит подъем «буквального мышления», и роман накапливает большое количество обогащающих и нюансирующих сюжет деталей, которые обретают в повествовании автономию и сообщают характерные для жанра эффекты жизнеподобия. За счет подробного описания пространств частной жизни, материальной избыточности, введения статичных сцен и развертывания незначительных бытовых событий роман тормозит процесс наррации и добивается относительного соответствия темпу повседневной жизни читателя.

В **Пункте 2.3.1** «Драматизация повседневности в “усадебном романе” Дж. Остин» **третьего параграфа** «Романизация повседневности буржуазного мира: Джейн Остин» романы писательницы рассматриваются в контексте

становления реалистической поэтики романа. Творчество Дж. Остин обнаруживает сродность проблематике викторианского романа: так, «Мэнсфилд-парк» носит морально-реалистический характер. Несмотря на то, что все романы Остин так или иначе поднимают вопросы репутации и нравственности, герои, ревностно следующие предписаниям морали и отчетливо возвышающиеся над остальными, религиозная тема и наличие героя-священника, на которого не распространяется авторская ирония, подчеркнуто серьезное отношение главных героев к долгу, вере, семейным ценностям и т. д. характерны для викторианской литературы. Делается вывод о том, что появление этих элементов в романе Остин свидетельствует о складывании новой системы ценностей в британской культуре, которая ляжет в основу викторианского романа.

В **Пункте 2.3.2** «Поэтика камерности» внимание сосредотачивается на герметичности романов Дж. Остин, которая проявляет себя на уровне сюжетной и субъектной организации произведений. Центром мира романов писательницы является дом – место, в котором локализуется повседневность частной личности. Относительно замкнутое пространство действия, отсутствие «героической» и приключенческой тематики, отнесение на периферию повествования образов с романтическими чертами определяются эстетической позицией писательницы: сюжетобразующими для ее романов становятся «нероманные» повседневные события (обстоятельства, болезни, естественные потребности, привычки, общественные условности и т. д.) и элементы социального взаимодействия (диалоги, жесты, взгляды и т. д.), разрастающиеся до нарративных. Заменяя исключительное знакомым, житейским, перемещая фон происшествия на первый план, а само происшествие – в подсюжет, Дж. Остин открывает поэтику повседневности, которая окажется продуктивной для реалистического романа XIX века, делающего своим центральным интересом жизнь личности, а ее повседневные аспекты – структурными элементами романного нарратива.

Третья глава «Формирование исторического романа» посвящена роли нового чувства истории, зарождающегося в эпоху модерна, в складывании жанра исторического романа. **Первый параграф** «Историчность романного мышления

и ее роль в процессах романизации художественных форм» рассматривает историческое мышление как аспект романного мышления, развивающегося «на почве нового ощущения времени»⁴. Культура модерна рассматривает человеческую природу как исторически изменчивую и выдвигает *принцип историзма*, в основе которого лежит замена обобщенного способа рассмотрения человека и исторического процесса индивидуализирующим. Опираясь на представления об инаковости в психологии и мышлении представителей различных исторических эпох, принцип историзма выдвигает требование познавать прошлое в его собственных, нетождественных настоящему категориях. Писатель получает возможность подходить к прошлому как историк и антрополог, не только воссоздавая приметы эпохи, но и реконструируя типы исторического сознания.

Для романного мышления, осваивающего исторические жанры в начале XIX века, актуальной становится проблема соотношения истории и романа, факта и вымысла. В историческом романе В. Скотта прошлое впервые осмысливается и изображается с исторической конкретностью, а история и поэзия вступают в органическую связь. Объединение романтического литературного текста и историографического паратекста через этнографическую описательность и текстуализацию пространства позволяет преодолеть замкнутость прошлого и достичь значительной полноты исторического времени, изображаемого как незавершенное.

Историчность входит не только в собственно исторический жанр, она определяет облик романизированных форм XIX века, прослеживаясь даже в тех романах, действие которых относится к современности.

Пункт 3.2.1 «Романизация исторических жанров: гетерогенная структура романов В. Скотта» второго параграфа, «Поэтика исторического романа В. Скотта», посвящен синтетической природе романов В. Скотта. Поэтические принципы исторического жанра разрабатываются Скоттом в его ранних

⁴ Бахтин М. М. Эпос и роман: (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 481.

«метрических романах» (*metrical romances*), – исторических поэмах, создаваемых с 1808 по 1817 гг., еще не преодолевших влияние балладной поэзии, но уже характеризующихся сложным повествовательным сюжетом, романической «средневековой» фабулой, масштабными этнографическими картинами-каталогами, человеческими героями и проблемой личности в центре повествования.

Центром романа В. Скотта является «средняя личность», вокруг которой из разных жанровых форм собирается соразмерный ей мир. Так, роман «Айвенго» сочетает черты рыцарского, авантюрного, готического, семейно-биографического романов, *Bildungsroman*, исторической хроники, а также включает элементы путешествия, сказки, исповеди, пикарески, эссе, сентиментальные и сатирические элементы. Путем совмещения различных модусов, введения в повествование исторических лиц (Ричард I, принц Джон) наравне с фольклорными и мифологическими образами (Робин Гуд, ведьма Ульрика), использования исторического комментария, фикционализации исторического факта, сочетания реального и чудесного Скотт стремится создать современную компромиссную форму романа о Средневековье. Размыкая анти-романический (*anti-romance*), рациональный мир литературы Нового времени, его роман выходит за жанровые границы и открывает новое художественное измерение – синтетическое, в котором возможно целостное соединение вымысла и исторической достоверности.

В Пункте 3.2.2 «Поэтика “средней линии” в романах В. Скотта», предложенное Г. Лукачем применительно к исторической концепции В. Скотта понятие «средней линии» понимается нами шире и используется для описания поэтического принципа, в согласии с которым строятся коллизия, композиция, образ главного героя и система персонажей романа. Задачей исторического романа В. Скотта является изображение частного и общего в их взаимодействии в конкретном социально-историческом контексте. В основе романа, как правило, лежит конфликт двух группировок на фоне переходной эпохи, параллельно которому разворачивается внутренний этический конфликт главного героя,

выполняющего своего рода медиативную функцию: фабула на «нейтральном материале» его личности и судьбы как бы примиряет противостоящие друг другу общественные силы. Характерно романная коллизия выражается в нацеленности дезориентированного героя на обретение миром (обществом) единства, утраченного на фоне конфликта.

Особую композиционную роль в романе Скотта играет пограничная ситуация, возникающая при столкновении наций, культур, религий, политических партий, обычаев и т. д. Образ героя-медиатора позволяет соединить основные хронотопы – «реальный» прозаический мир, из которого происходит герой, и «поэтический» мир его странствий. Пассивный, заурядный и невежественный герой является носителем идеальной точки зрения на исторические события, которые с его помощью могут быть показаны полно и разносторонне с включением сцен как общественной, так и частной жизни, введением исторического комментария и сцен-описаний. Отсутствие исторической фигуры в центре повествования и включение в него представителей разных слоев общества позволяют писателю эпически извлекать сущность исторической действительности из повседневной жизни нации.

В четвертой главе «Романизация драмы: эпическая драма и драма для чтения» представлен анализ жанровой природы романизированной драмы. В **первом параграфе «Романизация европейской драмы в XVIII-XIX вв.»** рассматривается явление эпизации драматической формы в литературе модерна, а также особенности освоения эпических принципов русской драмой. **Пункт 4.1.1 «Проблема “эпизации” драмы в литературе модерна»** содержит общую характеристику процесса проникновения в широком смысле повествовательных, ретардирующих элементов и романного мышления в европейскую драму XVIII-XIX вв. Явление эпизации драмы охватывает изменения на уровне создания картины мира и образа человека, авторского присутствия, на структурно-композиционном и образно-языковом уровнях.

Освоение романной поэтики драматической формой в эпоху модерна повлекло за собой размыкание художественного пространства пьесы, появление

вставных повествовательных конструкций и развернутых ремарок, автономизацию автора и героя, диалог их сознаний. Показано, как в пьесах И. В. Гете, Ф. Шиллера, В. Гюго, Г. Ибсена, А. П. Чехова, Б. Шоу появляются такие признаки эпического рода, как повествовательность и историчность, внимание к социальному и бытовому фону, предметность и описательность, стилистическая неоднородность и прозаичность, диалогичность, психологизм.

В **Пункте 4.1.2** «Концепция человека в русской драме XIX – начала XX вв.» рассматриваются особенности освоения принципов изображения человека, разрабатываемых русским романом XIX века, в драме И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Как и роман, преломляющий в себе общественные проблемы через драму «самого человека» (И. А. Гончаров), отечественную драму интересует частная судьба в ее связях с общечеловеческим бытием, поэтому жизнь человека в пьесах XIX – начала XX вв. изображается в ее связи с конкретной социально-исторической действительностью. Источником эпического для русской драмы служит русская психологическая проза. В комедиях и сценах И. С. Тургенева, автором обозначенных как «пьесы для чтения», драматическое высказывание приобретает диалогическую форму за счет автономизации героя и автора, проявившейся, в частности, в трансформации формы авторского присутствия в ремарке. Образ человека психологизируется за счет использования «реплики в сторону», маркирующей несовпадение внешнего поведения и внутреннего состояния героя.

О нарастании романного начала в драматургии А. П. Чехова свидетельствуют обусловленные обращением непосредственно к жизни реалистическая обстоятельность его пьес, выдвигание фона существования на передний план и затуханность события, отказ от классической интриги, столкновения героев и преобладание пафоса размышления над пафосом действия, отсутствие главного героя и обилие внесценических персонажей.

Во **втором параграфе** «Драма для чтения» рассматривается несценическая форма драмы и анализируются произведения, которые могут быть

отнесены к этому жанру. В **Пункте 4.2.1** «Драма для чтения как “проблемная форма”» рассматривается форма романизированной несценической драмы, развивающаяся в ряде европейских литератур в период между 1770-1830 гг. Драма для чтения характеризуется ослабленной перформативностью и доминированием «литературного» компонента, в связи с чем ее идеальным реципиентом является не зритель, а читатель.

В XVIII-XIX вв. драматурги зачастую определяли свои пьесы как драмы для чтения из-за того, что постановка на сцене была невозможна в силу социальных, политических, религиозных, этических и/или технических причин. Однако нами критикуется подход, согласно которому драма для чтения, во-первых, определяется только посредством факторов, препятствующих ее инсценировке, во-вторых, понимается как драма, демонстрирующая авторскую неспособность или нежелание выстроить произведение в согласии с принципами драматического рода и сценическими требованиями. Представляется, что этот подход не учитывает особенности динамики литературного процесса и стоящие перед авторами художественные задачи.

Распространение драмы для чтения в конце XVIII – первой трети XIX вв. связывается со становлением среднего класса, изменением его читательских практик и форм досуга, трансформацией представлений об интимной сфере человека в культуре модерна, а также рецепцией пьес У. Шекспира и ростом требований к литературной составляющей драмы. Зарождаясь на фоне кризиса драматической формы, драма для чтения участвует в актуализации художественного языка драмы, предвосхищая трансформацию отношений текста и способа его интерпретации в «новой драме».

В **пункте 4.2.2** «Романтическая и штюрмерская драмы для чтения» расцвет драмы для чтения связывается с деятельностью представителей движения «Буря и натиск» и романтического направления, разделявшими сознательную установку на антитеатральность. Драма для чтения этого периода – радикальная форма несценической драмы: она стремится разрушить классицистический канон, не передающий открывшуюся противоречивость жизни, обнажить

исчерпанность приемов старой драмы и с помощью пародии, иронии разрушить ее жанровую однородность, ввести в драму автономную личность и проблематизировать человеческое существование, исследовать фантазию, оживить язык драмы яркими образами и разговорной лексикой. Выбор несценической формы штюрмерами и романтиками был связан также с интересом к новому типу сложного драматического героя, черты которого будут разрабатываться в драме XIX века. Таков Карл Моор в «Разбойниках» Ф. Шиллера, чей внутренний конфликт проистекает из противоречия между личной свободой и общественным законом и ведет героя к маргинализации.

Пункт 4.2.3 «Романная проблематика в драме Дж. Элиот “Армгарт”» посвящен анализу викторианской драмы для чтения на примере пьесы Дж. Элиот, прежде не привлекавшей внимания отечественных литературоведов. Драма для чтения является жанром, в рамках которого, начиная с XVI века, развивается письмо маргинализованных групп: женщины-драматурги и чернокожие авторы США обращаются к несценической драме как доступной драматической форме, позволяющей им выразить свое отношение к социальным, политическим, гендерным вопросам.

В драме Дж. Элиот на материале истории амбициозной оперной певицы, лишившейся голоса, разрабатывается романная проблематика поиска личностью места в обществе, заостряется противоречие между внутренним и социальным «я». Романное мышление, проникая в драму Элиот, делает причиной трагедии не романтический конфликт судьбы и воли, но ограниченность женщины в выборе социальных ролей и подавление ее натуры, таким образом трагический герой погружается в романную стихию обыденности и компромисса. Поскольку в этой стихии невозможен подлинно трагический исход, разрешение трагического противоречия происходит с помощью обытовления трагедии и закономерного примирения героя с ней. Делается вывод о том, что категория трагического у Элиот получает переосмысление на почве романной повседневности.

Пятая глава «Романизация поэмы: роман в стихах» рассматривает проблему формирования новых, романских представлений о поэтическом в

литературе модерна на примере гибридного жанра романа в стихах. В **первом параграфе** «Проблема жанровой природы романа в стихах» роман в стихах рассматривается в качестве проблемной, неготовой формы, возникшей под воздействием процесса романизации повествовательной поэзии. Первым текстом, обозначившим себя как «поэтический роман», является «Луиза» (1784) Анны Сьюард, однако жанровая традиция формируется в 1810-1830 гг. «Метрические романы» В. Скотта также рассматриваются в контексте романизации поэмы как переходная форма между лироэпической поэмой и историческим романом.

Анализ ряда произведений XVIII-XIX вв., идентифицируемых как романы в стихах, демонстрирует их формальную и содержательную неоднородность и позволяет заключить, что ведущей конститутивной чертой стихотворного романа является жанровая модальность. Как результат романизации поэмы роман в стихах отличается от первой усложненной структурой повествования, романскими типами героя и сюжета, реалистичным изображением действительности, специфическим статусом автора (автор как герой повествования), динамическими отношениями стиха и прозы.

В викторианской повествовательной поэме («Аврора Ли» Э. Б. Браунинг, «Любовное путешествие» А. Х. Клафа, «Ангел в доме» К. Патмора и др.), обозначенной Н. Мур как «the Victorian long poem of modern life»⁵ и рассматриваемой нами в качестве романизированной формы, происходит «обытовление» поэзии: она описывает повседневную жизнь среднего класса, затрагивает темы и аспекты человеческого бытия, ранее находившиеся вне поля зрения поэтических жанров, особое внимание уделяет вопросам брака и семейной жизни. Тем самым разрушается традиционное представление о поэзии как сфере идеального, а современность осмысливается как источник вдохновения и пространство построения образа. Романное мышление сокращает дистанцию между предметом изображения и словом, таким образом, перед

⁵ Moore N. Victorian Poetry and Modern Life: The Unpoetical Age. – London: Palgrave Macmillan London, 2015. – 239 p.

автором романа в стихах больше не стоит проблема несоответствия между поэтическим языком и прозаической действительностью.

В центре внимания во **втором параграфе** «Прозаизация поэтического языка в поэме “Дон Жуан” Дж. Г. Байрона» находится проблема жанровой неоднородности поэмы Дж. Г. Байрона, несущей признаки переходной формы между лироэпической поэмой и романом в стихах, и особенностей бытования прозаического слова в ней. «Дон Жуан» рассматривается как сатирическая поэма, адаптирующая высокий стиль героического эпоса к повествованию о тривиальных событиях, в центре которых находится «средняя личность», лишенная масштаба и трагизма, наделенная чертами байроновского современника и не полностью совпадающая с назначенной ей ролью соблазнителя. Пассивность Жуана Байрона позволяет говорить о том, что главным объектом изображения в поэме является не столько герой, сколько сама жизнь с ее перипетиями и избыточностью.

Прозаическое слово в поэме Байрона существует в качестве маркера «низкого», комического, оно спорит с поэтическим словом, формирует иронический тон рассказчика по отношению к герою, событиям поэмы и явлениям современной жизни. Так, мелодраматическая сцена ночного свидания Жуана и донны Юлии прерывается размышлениями о таких непоэтических явлениях, как гильотина, вакцинация, картофель и т. д. Ожидаемое читателем романтической эпохи описание любовной сцены замещается фрагментом (Песнь первая: 122-133), в котором поэзия подвергается депоэтизации: иронически переосмысляются поэтические жанры романтизма, широко вводятся прозаизмы, обнажается сделанность поэмы, язык фрагмента колеблется между низким и высоким регистрами; все это нарушает единство поэтического дискурса и тем самым актуализирует его.

Появление в поэме новых типов автора и героя, связанных романскими отношениями, обусловлено типом дистанцированного от героя рассказчика, оценивающего поступки Жуана и сообщающего о его чувствах в форме догадок. Многочисленные отступления содержат эпизоды из жизни рассказчика и его

комментарии на отвлеченные темы и задерживают развитие основного сюжета. Отступления – основная форма авторского участия в поэме, которое выражается в виде краткого вторжения-комментария, стилизованного «я», взаимодействующего с героем, авторских раздумий и философствований. Отступление прозаично и антипоэтично, оно имитирует живую спонтанную речь, в связи с чем заключается, что как истинно авторский голос в поэме опознаются фрагменты, имитирующие прозаическую речь.

Третий параграф «Пародия и жанровое разноречие в романе “Евгений Онегин” А. С. Пушкина» посвящен жанровому своеобразию романа в стихах А. С. Пушкина. «Евгений Онегин» представляется важным этапом в романизации поэмы, поскольку объектом изображения становится сама его структура, основанная на соединении, но не слиянии стиха и прозы, и рассматривается как центральное произведение переходного периода русской литературы, в котором еще не завершен спор между риторикой и авторской поэтикой, но уже намечены черты русского романа XIX века. Ведущим инструментом романизации в романе Пушкина выступает пародия, зафиксировавшая формирование романного мышления, выработку новых принципов изображения и выход к романным стратегиям. Пародия не ограничивается созданием комического эффекта – это средство структурной организации произведения, основанной на соединении жанров, взаимодействии «чужой» и авторской речи, поэтического и прозаического слова. Своей структурой пушкинский роман устанавливает между прозой и поэзией, фактом и вымыслом, жизнью и искусством новые гармоничные отношения, баланс которых поддерживается на уровне субъектной организации произведения и его языка.

Прозаизм – основное средство автологического стиля романа, подразумевающего упрощение выразительных средств, в частности, замену перифразы и метафоры стилистически нейтральным словом. Слово свидетельствует о разных ценностных реальностях романа: в то время, как повседневность Евгения в первой главе передана метафорическим слогом,

прозаическая действительность за пределами светского мира передана необычным словом. Так, описание похорон и поминок дяди («Покойника похоронили. Попы и гости ели, пили»⁶) контрастирует с богатыми на тропы описаниями сцен светской жизни Петербурга («Пред ним *roast-beef* окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет, Французской кухни лучший цвет, И Страсбурга пирог нетленный Меж сыром лимбургским живым И ананасом золотым»⁷). Столкновение поэтической фразеологии с прозаизмами и их взаимное уравнивание рассматривается, с одной стороны, как отражение идеи противоположения простого и искусственного способов выражения, с другой стороны, как явление *разноречия* в романе Пушкина. Через прозаическое романное слово поэт выходит в новый незавершенный поэтический мир, в котором становится возможным описание феноменов повседневной жизни.

Обращаясь к субъектной организации «Евгения Онегина», мы показываем, как посредством перетекания авторской речи в речь героев и наоборот, авторской иронии, сменяющейся серьезностью, авторского комментария к речи героев создается рассеянная точка зрения. Различные точки зрения при этом не отменяют друг друга, но накладываются друг на друга и вступают в диалог, порождая миметическую модель неисчерпаемой «объективной реальности», к которой стремится роман XIX века.

В **заключении** подводятся итоги работы и намечаются векторы для последующих исследований. В ходе исследования были определены культурно-исторические условия романизации жанров, выявлены поэтологические формы романизации исторического материала и культуры повседневности в историческом и раннем реалистическом романе XIX века, в лироэпической поэме и романе в стихах, а также в эпической драме и драме для чтения.

Романное мышление, проникая в художественную структуру нероманных форм, определяет жанровое своеобразие и эволюцию драмы, поэмы, романа в

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах: Том 5. Евгений Онегин. Драматические произведения (1950) / А. С. Пушкин. – М-Л: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – С. 32.

⁷ Там же. С. 15.

стихах, исторической прозы, а также раннереалистических форм романа – английского просветительского романа XVIII века, романов Дж. Остин. Центральной для романизированных жанров становится романная этическая проблематика. На материале романов М. де Сервантеса, Д. Дэфо, Дж. Остин, В. Скотта, эпических драм, драм для чтения, лироэпических поэм и романов в стихах показано, как в романизированных жанрах проблема отношений личности и общества выходит на первый план, разрушается героическая поэтика, появляется историческая конкретность и усиливается фактологичность, происходят переходы от авторского способа повествования к внутренней точке зрения, а повествование включает большое количество деталей и замедляется, имитируя ритм жизни «среднего человека».

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

Журналы категорий K1 и K2

1. Журавлева О. А. Поэтика повседневности в романах Дж. Остин // Культура и текст. – 2024. – № 4 (59). – С. 124-137 (1,5 п.л.).
2. Журавлева О. А. Поэтика «средней линии» в романах В. Скотта // Филологический класс. – 2023. – Том 28. – № 2. – С. 140-151 (1,2 п.л.)
3. Журавлева О. А. Драма для чтения XVIII–XIX вв. как явление романизации драматической формы // Новый филологический вестник. – 2021. – № 4 (59). – С. 30-40 (0,7 п.л.).
4. Журавлева О. А. Проблема жанровой принадлежности драмы для чтения XVIII–XIX вв. // Культура и текст. – 2021. – № 3 (46). – С. 226-238 (0,9 п.л.).

Журнал категории K3

5. Журавлева О. А. Роман в стихах: поэтика пограничной формы // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. – 2024. – Т. 4. – № 1. – С. 58–68 (1 п.л.).

В других изданиях:

6. Журавлева О. А. Принцип историзма как аспект романного мышления // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. – 2022. – Т. 2. – № 4. – С. 53–58 (0,6 п.л.).